

Scan, OCR, SpellCheck: Kapti, 2009г

Л.Чарская

Желанный царь

Часть I

Невинно осужденные.

Глава I

Весна в 1601 году стояла ранняя и теплая на редкость! Яркое солнце, щедро оделяя майскими лучами землю, заглянуло поздним весенним утром в огромный, густо разросшийся сад романовского подворья, находившегося в центре Москвы, по соседству с Чудовым и Вознесенским монастырями.

Молодая весенняя листва -- клейкие листочки лип и кленов, нежные, бархатистые белостволых берез и вяжущие черемухи -- успела покрыть густыми шапками высокие и могучие деревья сада.

Там, где два старика дуба протягивали друг к другу свои мощные ветви-руки, висела широкая доска качелей. Целая толпа сенных девушек с веселым шушуканьем и смехом теснилась вокруг нее. На утлой доске, по обе стороны дородной мамы-пестуни, сидели двое хорошеньких и румяных детей. Восемилетняя девочка, русокудрая, голубоглазая, в атласном, богато расшитом по голубому полю шелками и жемчугом летнике, и пятилетний мальчик, кудрявый, темноглазый, с необычайно кроткой и ясной улыбкой пригожего детского личика, в нарядном, отделанном бурмицкими зернами по вороту и запястьям кафтане, однорядке, в щегольских сафьяновых сапожках и в богатой шапке поверх мягких темно-русых кудрей. Две девушки, одна рослая, статная шестнадцатилетняя красавица, отдаленно похожая чертами лица на детей, в дорогом летнике пунцового шелка, в легком, подбитом камнями девичьем венце с пестрыми лентами, спускавшимися чуть ли не до пят, наравне с тяжелой русой толстой косой, стояла на одном конце качелей, другая, судя по скромной одежде -- сенная девушка, на другом.

С веселым смехом они раскачивали доску, то и дело поддавая ее, к немалому страху и смятению дородной мамушки.

-- Ай! Побойся ты Бога, боярышня Настасья Никитична, -- взывала от страха несчастная мамушка, -- уморишь, как есть уморишь и боярчат-племяшей своих, да и меня, холопку верную... Ой, буде! Богом тебя молю, боярышня! Ой, помру. Ей-ей, помру! Остановись, Христа ради, боярышня!

-- Ха-ха-ха! -- залилась на это звонким смехом проказница Настасья Никитична, а за нею и Таня с Мишей (так звали сидевших подле мамы детей). -- И не стыдно тебе бояться, мамушка? Качели не струг на озере, не потонешь небось!

-- И то не потонешь, госпожа мамушка! -- тихонько поддакнули сенные девушки, боясь, однако, громко смеяться над нянькой-кормилицей маленьких боярчат, главной холопкой боярского женского терема.

-- Не потонут, конечно, а зашибиться все ж могут Танюша с Мишенькой... Да буде же, буде, боярышня! Того и гляди, перевернется доска. Какой ответ тогда давать мне боярину Федору Никитичу да боярыне Ксении Ивановне? -- не унималась толстая мамка, прижимая к себе обоих детей.

-- Ай да Кондратьевна! Небось за боярчика своего да за боярышню дрожмя droжишь, а обо мне, горемычной, и не кручинишься! А поди-кась и я небось не из воска ярого слеplена, упаду, зашибусь вас всех не менее! -- смеялась Настасья Никитична, к немалой потехе обоих деток, бесстрашно поглядывавших из-под рук мамушки на быстрые взмахи качельной доски. Малютка Миша так и заливался серебристым смехом, вторя своей голосистой молоденькой тетке и сестре.

-- Ну, буде! Полдничать скоро позовут, -- решительно заявила Настя и, взметнувшись еще раз под самый шатер высоких дубов, ловко прыгнула наземь, сильной девичьей рукою удерживая качель. Потом неожиданно подбежала ко все еще не успокоившейся мамушке, выхватила у нее обоих детей и с тем же веселым, залихватым смехом, ухватив их за руки, стрелою помчалась с ними через зеленую садовую лужайку.

-- Лови нас, мамушка! -- звонко крикнула она, задыхаясь от смеха.

-- Ишь, затейница! Ишь, проказница! -- забубнила дородная мама, семена за убежавшими своей